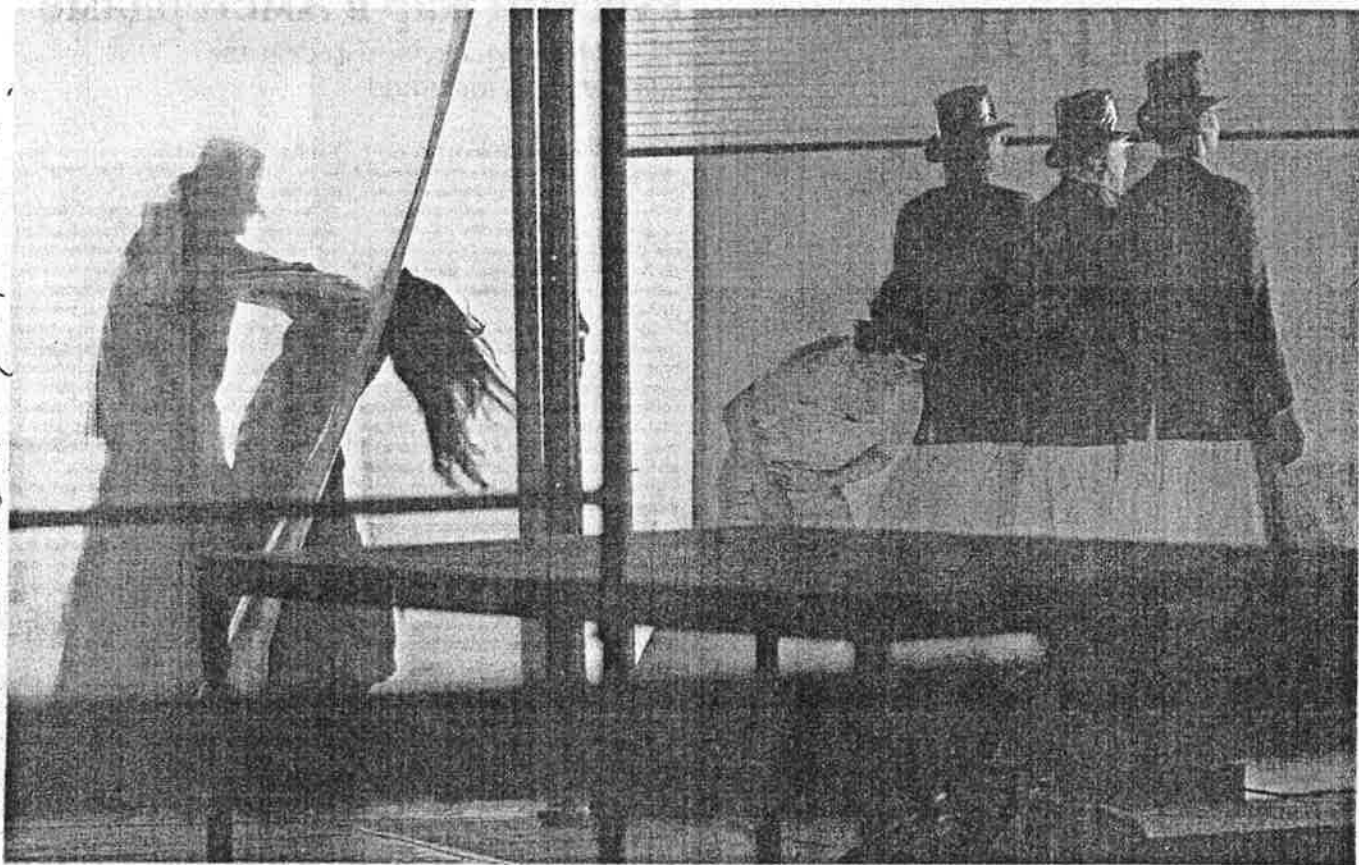


## культура

ФЕСТИВАЛЬ ТЕАТР

### «Кода» без перевода

Theatre du Radeau выступил на фестивале NET



«Коммерсантъ», 5/XII/06

Французский спектакль «Кода» сыграли в центре современного искусства «Винзавод» — фестиваль NET, проходящий в Москве при поддержке социально-культурного фонда Нонпезу и торговой марки Nescafe Gold, продолжает осваивать самые необычные оценоческие площадки. АЛЛА ШЕНДЕРОВА сочла, что в ангаре «Винзавода» актеры театра Du Radeau должны чувствовать себя как дома.

У себя на родине Du Radeau тоже помещается в ангаре — в заброшенных гаражах города Ле-Ман на западе Франции. В гаражах театр обосновался еще в 1977-м, а в 1982-м его возглавил режиссер и сценарист Франсуа Талли. С тех пор (Театр шота) (так переводится Du Radeau) не только проплыл по всему миру и превратил родине гаражи в творческие мастерские с несколькими залами, студиою, гостиницей и огромным шатром для релаксации, раскинутым посреди улицы, как старинный комедиантский символ. Любую пьесу (в разное время среди постановок господина Талли был и «Дон Жуан», и «Сон в летнюю ночь», и «Войск»), то есть властике режиссер ставит так, как ставил бы свой сон: сюжет почти не прочитывается, а текст звучит далеким эхом, то и дело перебиваемым наплывами музыки.

С музыкой у господина Талли отношения особые: для каждого спектакля он тщательно подбирает фрагменты из классических

шедевров, иногда заимствуя у них названия для своих спектаклей. Среди его постановок были «Хорал», «Капаты», «Орфейон». Теперь вот «Кода». Как говорит сам режиссер, у музыкантов этот термин означает заключительный раздел сочинения. Здесь применительно к театральному движению он приобретает значение соединения, возобновления и развязки. Первал же мысль, которая приходит в голову, когда смотришь «Коду», — это спектакль-прощание, «развязка» с великой европейской культурой прошлого. Тексты Данте, Кафки, Арто, Гельдерлина и Лукреция актеры в «Коду» выкрикивают на каком-то всеобщем свистящем, который колышет полиэтиленовые занавеси, двигает алюминиевые диты и фанерные перегородки, меняя пространство и извергая из его глубин все новых героев.

«Прозное океана, неукротимые людские волны / Мне бились в грудь, и слух мой оглашался / Безумным гласом горького народа...» Спектакль играется без перевода (все звучащие тексты напечатаны в программе), поэтому публике предстоит догадаться, в какой момент произносятся эти строчки немецкого поэта Фридриха Гельдерлина. Но их смело можно считать эпиграфом ко всему спектаклю, в котором один монолог захлестывает другой, как набегавшие волны. Три господина, тонкими голосами перепеваящие текст Франца Кафки, уносят

сбив с ног, немелодию хриплогоголосу приму, экспрессивно выкрикивающую строчки из «Театра» Карло Эмилио Гадды.

Оформление и освещение, мгновенно меняющиеся от слепшей «лампы дневного света» до куртуазного будничного мрака, сделал сам господин Талли. Он же, вероятно, придумал одеть женщин в вечерние платья, легко превращающиеся в короткие сорочки, а мужчин — в пиджаки, цилиндры и пышные бальные юбки. С культурой прошлого режиссер поступает так же, как с одеждой, запросто и на удивление органично соединяя музыку Верди и Тенделя с текстами Франца Кафки и Антонена Арто.

Среди дальних «родственников» Theatre du Radeau в программе выигрывает театр Видеуса Кайгора, Роберта Уилсона и кинематограф Андрея Тарковского. Если же попытаться ему аналог в современном русском театре, на память приходит спектакль Анатолия Васильева с их нарочитой интеллектуальностью и манерой читать стихи, то целая слова, как бусины четок, то экзистенциально сплетая в цепь. Звучащие в «Коду» хоры из вердиевских опер заставляют вспомнить «И корабль плывет» Федерико Феллини. Там груженный культурой прошлого лайнер тонет под величественную музыку Джузеппе Верди, тут арии Верди оживают в полутемном цеху, прорывались сквозь производственный гул и постепенно доходят до форте

В спектакле «Кода» не видно ни одного актерского лица, зато слышны слова классиков европейской литературы

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК

Есть в «Коду» и любовная линия, превращенная в великолепный трюк: пожилой господин танцует, обвив манекен, наряженный в бальное платье. То и дело сбиваясь с такта, господин хлещет куклу по лицу. Когда он в очередной раз замахивается, кукла останавливает его руку, оказываясь живой актрисой. К финалу на смену господам в бальных юбках появляются двое: он — в рабочей спецовке, она — клоунесса в короткой сорочке и вабином парике. Диалог Антонена Арто «История Арто-Момо с глазу на глазу» актер и актриса ведут действительно с глазу на глаз, сидя за огромным столом-верстаком под отдаленный шум — то ли производство в цеху, то ли грохочущая лапчатая музыка. Оставшись одна, та же актриса читает из «Божественной комедии» Данте. Влакомаченая клоунесса, заставляющая русский зал напряженно вслушиваться в звучащие по-французски строки, она вдруг кажется олицетворением театра вообще — нелепого и возвышенного, отчаянно хватающегося за ускользающие великие образы прошлого.